

Ксения Букша

НО ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕК

18+

Букшу выделяет удивительная точность в передаче чужой речи, совершенно живой, как будто подслушанной, и вообще удивительная точность.

Юрий Сапрыкин, «Полка»

Три с половиной убийства

Ксения Сергеевна Букша

Но человека человек. Три с половиной убийства

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68368454

Но человека человек/ Ксения Букша: Лайвбук; Москва; 2023

ISBN 978-5-907428-64-5

Аннотация

Эта книга состоит из четырех страшных, но очень обыденных и узнаваемых историй – такое случается сплошь и рядом, о таком мы постоянно узнаем из новостной ленты. В этих историях есть отчаяние и надежда, смерть и страсть, насилие и желание какой-то иной, более правильной жизни. Это похоже на Достоевского, но очень современного, с ноутбуком и смартфоном. Ксения Букша выступает как исследователь самых тайных закоулков человеческой психики, как глубокий психолог и точный социолог, как писатель, который безжалостен в отношении читателя – но только для того, чтобы свет в конце туннеля обязательно забрезжил.

От лауреата премии «Национальный бестселлер», финалиста премии «Студенческий Букер», «Большая книга», «НОС», «Ясная Поляна» и др.

Содержание

Дибок	5
1	5
2	8
3	9
4	13
5	17
6	20
7	23
8	27
9	31
10	35
11	37
12	39
14	43
15	46
16	50
17	52
18	54
19	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ксения Букша

Но человека человек

(Три с половиной убийства)

© Ксения Букша, текст, 2022

© Издательство «Лайвбук», оформление, 2022

Дизайн обложки – Андрей Рыбаков, использованы иллюстрации Ксении Букши.

* * *

Все события, описанные в тексте, вымышлены. Любые совпадения с реальными событиями, в частности с обстоятельствами преступлений, случайны.

Автор не оправдывает убийств, жестокости и насилия.

Автор знает о том, что психиатрический диагноз не является предпосылкой к совершению преступлений.

Дибок

1

Солнце выходит из-за Субазии, и сразу все преобразается. Низины становятся виноградно-синими, листья олив блестящим ярким густым блеском, как будто смазанные маслом; мы с Андреа стоим посреди огорода и оживленно обсуждаем, что делать с крышей Верхнего дома. Андреа говорит построить там еще одну видовую площадку – летнюю, мол, там в самый раз любоваться закатом, пить вино и все такое, а я говорю – тем, кто в Нижнем квартирует, нелегко будет дотуда добираться, а видовых площадок у нас и так хватает, лучше уж сделать там что-нибудь специально для йоги, раз уж Витторио из ретрита здесь так популярен. Мы рассуждаем, стоя посреди огорода, а огород меж тем ломится и прет густо-густо во все стороны – листья тыкв и кабачков, и сами тыквы, в крупных стеклянных каплях росы, буйные заросли базилика, розмарина, фенхеля, петрушки, душицы и чеснока. Андреа складывает мощные руки: высокий, в белой майке, накачанный, со своими выбеленными кудрями, подбритыми с висков, с выпуклыми осторожными глазами. По мне, как вначале мы боялись друг друга – я его, а он меня; подлаживали на каждом пункте договора, полувраждебность длилась

лет пять, но потом как-то постепенно друг друга поняли, хотя и не сблизились совсем, и это нам ни в коем случае не нужно, на оборот, дистанция подчеркивает наше взаимное уважение и даже пиетет: я вижу его, а он видит меня. Андреа осторожнейший, бюрократичнейший, деликатнейший, все по правилам и столбикам, в дни приезда ревизий, мне кажется, он пугается до полуобморока, но никогда этого не покажет.

– Папа, смотри! – кричит Лука.

Он потрясает над головой огромным перезрелым огурцом. Огурец похож на желтую подводную лодку.

– Есть можно?

– Нет, – откликаюсь, – есть нельзя, невкусный! А ты его разрежь – там семена. Хочешь попробовать посадить семечки огурца?

– Да, да, хочу! – вопит Лука и катится в сарай за старыми упаковками от молока.

Луке моему шестнадцать. Интеллектом парень не блещет, зато охотно копается в земле, собирает оливки и жмет масло, различает птиц по голосам.

Лука у нас вышел сюрпризом. Семь лет назад мы с женой искали малыша не старше трех. Нам предложили Филиппа, и мы решили брать не глядя.

Не то чтобы Филька нам понравился, нечему там было нравится. Филя был страшненький. В свои почти три ростом с годовалого, тощий, как узник, не говорил совсем, нож-

ки-палочки – ручки-веточки. Впрочем, мы с женой выглядели не намного краше. Сидим как замороженные, ничего не соображаем, смотрим с ужасом: и я, и жена, и Филька, в точности как мы. Посадил его на коленки. Попа костлявая, от макушки странный запах, какой-то сухой травкой он пах, будто и не ребенок, а сухое растение, и заеды в уголках губ. Мы сидим, воспиталки странно смотрят на нас, и только часы тикают. Наконец одна – ну займите же вы его чем-нибудь. А вторая говорит: его все равно не отдадут, у него старший брат в детдоме для инвалидов, умственно отсталый. Их только вместе. Я не то чтобы рассердился, но говорю: чего, говорю, тогда наше время тратите, я же просил нам показывать только без сестер-братьев, с полным статусом? – а директриса Дома ребенка молча плечами слегка пожимает. Мы с женой вышли за ворота, она говорит: пойдём посмотрим, что там за брат. Ну посмотрели, взяли обоих.

Мы были как во сне, ничего не соображали. Жена тогда еще была на успокоительных. Вообще, Италия хороший выбор, особенно наши места, здесь совершенно невозможно остаться неверующим, если человек, конечно, не такой закоренелый атеист и скептик, как я. Теперь жену спасают Иисус и Мария, а особенно старается святой Франциск, он специалитет наших мест, вроде черного трюфеля. Ну а меня что спасает, не знаю. Наверное, то, что в какой-то момент я решил написать все по порядку, изложить в подробностях историю любви и смерти нашей дочери Ксении.

2

Писать-то я начал давно, но не подряд, а отхватывая по краям, по кускам; всерьез по порядку изложить решился только сейчас, когда прошло уже восемь лет, и, как ни крути, эти восемь лет действительно шли и были, хотя и не верилось, что они могут пройти и что будут чем-то наполнены. Но вот они прошли, я смотрю на свои записи, которые делал раньше, и понимаю, что теперь готов писать по порядку. Что побуждает меня рассказать эту историю? Какой-то моральный аспект, вероятно? Я хочу показать, выразить, как это бывает, как именно это было, мне кажется, что в моей истории есть нечто важное, какой-то важный урок, не только для меня; если раньше я писал и мучился, потом – чтобы не забыть, потом писал и размышлял, то теперь – что-то новое – мне кажется, что эта история должна быть изложена по порядку, с начала до конца, чтобы ухватить ее смысл, чтобы я что-то понял, чтобы любой, кто ее прочел, понял это.

Моя дочь Ксения родилась в 1989, а умерла в 2011 году.

Гвоздем, точкой отсчета моей истории будет Ксюшино знакомство с человеком по фамилии Дибок. Странная фамилия. Каким боком ни поверни, видно только профиль.

Их случайное знакомство не было их первой встречей. Дибок – сын одного из моих давних, не очень близких приятелей. Друзья друзей, свой круг. И я, конечно, помнил эту фамилию. Остался в памяти и паренек, вернее, тот факт, что паренек существовал. Самого его я, как ни напрягал память, не мог вспомнить. Стертый паренек, не из заметных. Кажется, в восемьдесят шестом где-то катались с горок, смеркается, склон, и на обочине картинки возится с санками фигурка мальчика в шапке-шлеме. Лица не разобрать.

Когда Ксюша перешла на третий курс, я подарил ей машину. Права у нее были с восемнадцати, водить она умела, иногда водила мою, даже прошла дополнительные курсы, и в общем-то давно ожидалось, что я ей подарю собственную. Она отнекивалась. Мы с мамой удивлялись Ксюше: никакого мажорства, гламура, как у подружек. Часто ведь, если папаша с деньгами, то шмотки, поездки, машины, салоны. Детки становятся циничные, хваткие и противные, бесконечно тянут деньги у родителей. Ксюша – может, гуманитарный лицей, или то, что мы всё же...

...а что – всё же? Книги да, книги всегда были в доме. Но не то чтобы мы их читали, скорее, они просто присутствовали. Предполагалось, что книги ценны. И что есть другие ценности в том же роде. Но и другие ценности тоже незримо присутствовали, не воплощаясь. Мы их как будто держали про запас, до лучших времен, как идеальную картинку: папа учит дочь кататься на роликах, мама вместе с ней раскатывает тесто для пирога. Может быть, и было пару раз, еще до того, как Ксюше исполнилось пять. А может быть, и вовсе не бывало, я это только вспоминал-воображал-ждал, ощущал как что-то прочное, что никуда не денется: вот погоди, ксюшик, заработает папа все денежки и поведет тебя, пятилетнюю, кататься в парк, и будет солнце, и наши тени будут длинные-длинные.

И со всеми другими ценностями, которые мы подразумевали, было все точно так же. И, опять же, подразумевалось, что Ксюша тоже их разделяет, как-то впитывает из воздуха – ну понятно же, что любовь важнее всего, и дом, и семья, что не в деньгах счастье, а что папа только о них и думает, и мама тоже, так это временно, это неважно, ведь на самом-то деле, на самом деле.

А на самом деле было совсем другое самое дело, и оно оставалось для нас загадкой, пока Ксения росла. На самом деле мы мало что знали о нашем ребенке. Ксюша хорошо училась, была всегда ровна, ни грустна, ни весела, очень рациональна (в меня), но при этом выглядела... романтич-

ной... тоненькой, легкой, естественной... не знаю, как это описать, ведь я ее не только мало знал, но и еще и смотрел на нее не очень внимательно. Запомнились дискретные моменты.

Вот мы на кладбище, хороним бабушку, мою маму, Ксюша оставила рюкзак в машине, идет со мной по песчаной тропе среди сосен. На тех похоронах никто не плакал. Черные графичные деревья. Впервые замечаю, что девочка уже выросла. Ей тринадцать.

Вот морозной ночью я встречаю Ксюшу из гостей, – выбегает в одном свитере, шубка в руках, – я жду, что будет пахнуть сигаретами, алкоголем, но совсем ничего такого, Ксюша садится на сиденье рядом со мной, и от нее пахнет только новой одеждой – так всегда от нее пахло, чем-то новым, чем-то свежим, серьезностью, чистотой. Длинные волосы, короткая шубка, джинсы – и усталый взгляд я помню, грустные глаза, тени на скулах, и я еще подумал: какая взрослая у меня... нет, не у меня... просто – какая взрослая.

Так вот: на третьем курсе я решил подарить ей машину. Был уверен, что ездить будет аккуратно и уверенно. Так и вышло; правда, чуть агрессивнее, чем я ожидал... Что-то там было еще, в этом ребенке, кроме... но мы об этом не знали ничего – совсем ничего...

В тот день, как повествует ее дневник, Ксюша ехала на новой машине в университет, и на светофоре в соседнем ряду остановился черный «мерс». Теплый октябрь, и вдруг води-

тель открывает окна, и Ксюша слышит, что у него играет тот же альбом «Мумий Тролля», что у нее, только песня другая. Совпадение, так быстро он не мог бы специально подстроить эту ситуацию. Они улыбнулись друг другу.

Позднее выяснилось, что его зовут Дибок. Андрей Дибок, но все звали его по фамилии.

Ксюшины дневники. Она вела и бумажные, и в компьютере. Ксюша жила отдельно от нас, мы сняли ей однушку в новостройке. Когда Дибок добрался до системного блока, он уничтожил все, что было на жестком диске. Но остались бэкапы, и пропали только последние несколько месяцев. Флэшку Дибок не нашел, а может, и не знал о ней.

Вот первый дневник. Ксюше пятнадцать.

«Кто виноват? Не дьявол и не Бог.

Когда бы был Господь на свете,

То Он бы не был столь жесток,

Чтоб допустить безумства эти.

Ах, если б Он на нас взирал,

Он нас давно бы покарал!»

«Я, конечно, никого никогда не смогу полюбить (кроме мамы и папы). Я человек слишком для этого холодный и рассудочный. Карина постоянно говорит о своих влюбленностях, а я даже не верю ей, мне кажется, что она просто так играет, а на самом деле не влюблена. Все это какие-то игры. Я так думаю, что это и дальше оно идет как игра. Потом все играют, что женятся, что у них рождаются дети, и так дальше, дальше все идет. Я лучше посвящу себя карьере – в этом больше смысла».

Семнадцать лет, первый курс:

«Мне все больше кажется, что окружающие – идиоты, а сама я, наверное, сумасшедшая. Мои интересы настолько далеки от интересов тех, кто со мной рядом, что я ничего общего с ними не имею. Но я подыгрываю, что-то спрашиваю, в общем, дружу. Если бы я могла быть собой настоящей, у меня не было бы подруг. Но нет, надо дружить, а мы же все мажорчики. Вадик в желтом пиджаке на мотоцикле. Обсуждение мира гламура, клубов, випов. О'кей, я не против. Но на самом деле мне это все не близко».

«Половина первой группы и почти вся вторая торчки. Не только табы перед экзаменами, вообще всегда. Кирилл и Петя получают папин завод, когда подрастут. Иду по коридору под сальными взглядами Вадика и К. Интересно, есть где-то вообще нормальные ребята? Или всем на свете вот это – нормально?»

Ксюше восемнадцать:

«Сегодня был прием у папы. На лабутенах и в короткой юбке я была реально похожа на женщину-вамп. Это очень забавно – наблюдать себя со стороны. Как будто я прилетела с Марса и выбрала себе такое тело, волосы, одежду, такой ви-

зуальный образ. Я сидела в кресле нога на ногу, вдруг подошел фотограф и попросил разрешения меня снять. Принес бокал шампанского, я его взяла, он попросил меня поправить волосы определенным образом. Было так забавно – как будто я смотрю со стороны на происходящее с моим телом. Вот есть некая „стройная блондинка с ярко-красной помадой на губах, в мини и на шпильках, с бокалом шампанского в руке“, и я могу смотреть на мир из этого тела – а на самом деле я внутри совсем другое, и этого не видно, и хочется хохотать и показывать кукиш: вы никогда не увидите, что там на самом деле, я вас всех обманула. Когда ебуть с В., я чувствую то же самое, как будто это не со мной, но прикольно».

«Интересно все же, почему меня никто не интересуется „этой“ стороны. Ну вот Т., например. Хороший же мальчик. Нет, с какой стороны ни посмотри, хороший. Умный. С юмором. Симпатичный. Но вот как-то... Как будто я не могу себя заставить. И как будто он меня намного младше. И одновременно намного скучнее. Ну всласть потрахались, и что? Ну проживем всю жизнь вместе, допустим, И ЧТО?»

Я сама не понимаю, есть ли это „что“, но без него неинтересно».

Роль гламурной прожженной девицы Ксюша играет умело и охотно, в моде и глянце разбирается хорошо, на тусовках и в клубах смотрится естественно. Но все время ей кажется,

что это – не она, что все происходящее ее не затрагивает, что это все пустое, что в этом нет внутреннего содержимого.

Как только появляется Дибок, дневник меняет тон и темы. Меньше рассуждений, обобщений. Больше о чувствах, состояниях.

«Да, я могу держать себя в руках. Но мне трудно. Раздражаюсь на всех.

Я, похоже, не очень нравлюсь Д. Он не связывается со мной.

Считает меня маленькой. Хотя расстались мы хорошо.

Что он думает обо мне. Зачем я об этом думаю.

Я влюбляюсь. Зачем. Вчера мне было плохо. Я держусь, но на меня все это сильно влияет. И это, наверное, видно. И я с трудом настраиваю себя на волну „нет, так и хрен с ним“. Я вижу, что мне непросто найти подходящего человека. Д. – он из той же тусовки, что и мы, сын папиного друга. Он понимает, может меня понять. И при этом он из того мира, в который я вхожу сейчас, – из мира бизнеса, больших денег. И когда я все это вижу, мне стоит большого труда не вцепиться мертвой хваткой.

Еще же этот Б., с которым так комфортно и хорошо. И я к нему привыкла – как к другу.

А с Д. больше проблем, чем возможностей.

Но я все равно хочу с ним».

«Обиднее всего эти „предрассудки“, которые у него априори насчет меня. Эти его подколки, типа „знаем мы вас“. Что ему заранее все про меня известно. Это вот сверху-стояние. Мужские предрассудки о „девушках“.

Нет, я не нравлюсь ему. А жаль. А жаль. (Прямо плакать хочется, честное слово). Похоже, что он уже принял решение. Надеюсь, не окончательное.

Он – опытный. Он – знает жизнь. А я?!?!»

«Он пишет, что соскучился – и я счастлива.))) Пишет, что встретимся – и я скачу».

«Сидели в атриуме. Подарил розу. А теперь – сбрасывает мои звонки».

Тогда же Дибок впервые мелькнул в нашем доме.

– Наша дочь влюбилась в лысого горбатого бандита, – делалась со мной жена вечером. – Но я не думаю, что она действительно влюбилась. Скорее всего, ей просто лестно, что он с ней возится. Очень рассудочная девица у нас выросла.

Дибок действительно рано облысел и сильно сутулился, вжимал голову в плечи. Мощный, накачанный, двадцативосьмилетний, он рассказывал Ксюше, как десять лет назад стоял на Новом Арбате с пакетами денег, рассованными по карманам, и ждал такси, а потом отвозил «кассу»

в банк, прямо наличными, — опасная работенка. И когда успел невнятный пацан на санках вырасти сначала в того молодого шестерку, а потом в этого мрачного типа? Удивительно, однако именно такие рассказы попадали в точку и нравились Ксюше: для нее романтикой было дело, бизнес, она сама мечтала стать жесткой бизнес-леди, видела себя такой, — как знать, может, и стала бы. Рациональности в ней хватало, и хрупкой она не была. Если бы не Дибок...

Землю мы выбирали долго. Не потому, что такие привередливые, а просто в деньгах были ограничены. Тогда, после продажи бизнеса, я не предполагал, что смогу развить что-нибудь здесь. Думал только доживать. Поэтому сначала смотрели маленькие участки в Тоскане, домики на Тразимено: цветник, свой огород и не более того. Вдруг приплыла эта земля: большой участок леса в умбрийской глуши. Тогда я впервые увидел такую Италию: внутреннюю, потаенную, не туристическую. Наш участок состоял из оврага, крутого склона к нему, заваленного буреломом, заросшего колючими кустарниками; выше – каменистые уступы, водопад, ручей в старом деревянном русле. Выше, над нашим участком, склон делается еще круче, и если задрать голову, видно вершину горы, продуваемую всеми ветрами. С другой стороны – склоны окрестных холмов, таких же лесистых, дальние оливковые поля редких местных фермеров, а вдали, то в ореоле просвеченных розовых облаков, то залитая неистовым солнцем на синем фоне, – Монте Субазио.

Той первой ранней весной (весна здесь наступает в начале февраля), когда в нашем каменном доме было холодно, когда то сыпала снежная крупа, то солнце заставляло первые весенние стебли развернуться и налиться соком среди сухой травы, я не знал, куда себя деть; поднимался на верши-

ну горы, ложился на сухую траву, лежал и смотрел на Субазио, которая все равно была выше. Ветер выл в чащах. Пару раз я видел внизу, в дубовой роще, стайку черных кабанов на выпасе. Мой сосед, бывший мафиози, держит трюфельный бизнес; при первой нашей с Андреа попытке размежевания сосед неистово жульничал и даже попытался подать в суд, но Андреа железной рукой свел его попытки на нет. Прочие соседи: пара фермеров (километрах в шести-семи от нас), патентованная ведьма в маленьком домике на вершине другой горы, пониже (в двух километрах), хипповый ретрит (километрах в десяти в другую сторону). По грунтовке можно выехать на асфальтовое однополосное шоссе (в двух километрах), двигаться по которому следует со скоростью не более сорока из-за постоянных серпантинов. Да, и церковь, близ которой Франциск получил свои стигматы: тоже километрах в четырех по прямой – моя жена проложила к ней тропу сквозь буреломы. Все это густо заросло лесом и располагается вертикально, перпендикулярно, под непредсказуемыми углами, вечно за поворотом, вечно на откосе. Под вывеской придорожного супермаркета таился рынок, где бутылки с грубым оливковым маслом были заткнуты резинками детских сосок. На блошином рынке Лука (до странности итальянское имя) приобрел старинный штампик из пластмассы на картоне, которым можно было оттиснуть расплывчатый, но узнаваемый Дуомо. Мы с женой (уже не первой, но третьей, четвертой весной) скупали на рынках всё – мел-

котравчатые блюда, гнутые стулья, бледно-хрупкие зеркала; нас узнавали, нас подзывали и показывали то, что должно было нам понравиться. Иногда мне казалось, что я попал в пятидесятые, лет за десять до своего рождения. На Рождество здесь всегда выпадал снег; он не выпадал ни в Риме, ни на Тразимено, ни даже во Флоренции – здесь, в сердце Умбрии, держался микроклимат прежних, далеких и давних дней, а может быть, время здесь проходило так, как только и может выдержать сердце. Не знаю, что еще сказать.

Дибок быстро взял Ксюшу в оборот и прочно держал ее в обаянии. Повторю то, что сказал выше: Ксюша имела несчастье встретить человека, которого посчитала своим романтическим героем. Видите ли, обычная, традиционная романтика никогда не привлекла бы нашу циничную, расчетливую Ксюшу, но у нее была слабость. Она пишет:

«В отличие от всех этих мажорчиков, Д. – человек дела. Вот, например, П. – про него я понимаю, что его отец крутейший актер, ну а сам-то П.? Он просто рос в этом доме, он пропитался этой культурой, этими привилегиями. Ну и что? Что он сам-то из себя представляет? Он может читать какие угодно книги и т. п. Но он пока еще никто, и я не ставлю на него. А вот Д., про него уже понятно, что он сам себя сделал. И в какую эпоху! В эпоху дикости, когда риск действительно мог принести реальную прибыль. Он предприниматель, он мыслит как инвестор, и это меня восхищает».

Из жарка в ледок, из ледка в жарок. Ничего у них еще не было, а он уже начал нашей Ксюшей играть, как мячиком. То принесет букет роз, то не отвечает на звонки. То рассказывает романтические истории, показывает свои шрамы – то пренебрегает ею, сидит рыгая и развалясь, напивается при

ней с друзьями, подкалывает. Он начинает своими поступками учить ее терпеть; делает так, чтобы она пропиталась идеей собственного служения ему. Удастся ли это Д.? Вопрос спорный. Бесспорно одно: она в горячке. Может, это и не горячка влюбленности, но по меньшей мере горячка охоты. Ксюша уверена, что встретила на редкость подходящего человека и что нельзя его упустить.

«У нас одинаковый юмор. Мы одинаково мыслим (он – почти так же быстро, как я). Мы перебрасываемся ассоциациями. Когда он рядом, мы всегда смотрим только друг на друга, никогда в сторону. Редкое совпадение. За него надо держаться».

Потом он неделю не звонит; когда звонит она – говорит ангельским голосом, что занят (на заднем плане – звуки ту-совки). Но главное – он не спит с ней. Километры дневника исписаны предположениями о том, почему.

Вдруг мирное: «Мне понадобились бумаги для гайцов, чтобы отправить машину в сервис. Д. сделал мне бумаги по своим каналам за пятнадцать минут. Он, кажется, знает всех в городе».

И почти сразу же: «Все очень плохо. Он не звонит. Выключить телефон? Не ждать? Я не живу все эти дни. Когда я не знаю, где он и что с ним, я не живу».

«Позвонил, как будто вчера не продинамил меня... Типа – ну а че? Давай встретимся. Опять то же самое. Я понимаю, что и на этот раз никакой встречи не будет, но жду, не могу не ждать... Вечер пропал, он снова сбрасывает мои звонки. Почему я это терплю? Ведь я терплю совершенно сознательно. Дело даже не в том, что у него столько связей. Дело в том, что он настоящий. Что он – тот человек, с которым я могла бы быть вместе. Мне не нравятся „хорошие“. С ними скучно. Мне нравится Д., какой он есть, – со своим прошлым, лексиконом, знакомствами, властью.

Нет, не буду звонить.

Позвонила. Сбросил».

Попытка рационально проанализировать ситуацию:

«Сидели в Rain. Странный Дибок все же. Неприкаянный. Весь мир – против него. Может, это у него поза такая. Романтическая. Говорят, мальчики поздно взрослеют. А может, он просто вечно недовольный брюзга.

Интересно, зачем я ему нужна. Он со мной не спит. Нежности никакой. Дружбы особой тоже, он не посвящает меня в свои дела, не знакомит со своими друзьями. Просто иногда сидим и болтаем. Что за странные отношения?»

Да, да, Ксюша, именно так, странные. Именно так: зачем

ты ему нужна?

Скоро станет ясно зачем.

В декабре Дибок ехал пьяный по трассе и не справился с управлением. Ксюша узнала не сразу, дня через три. Думала, он опять динамит, но на третий день стала искать, нашла в одной из больниц и помчалась спасать. Никто ее не звал туда, никто о ней не знал. В больнице она столкнулась с аспиранткой О., которая вела у них в вузе семинары. Здесь у Ксюши открылись глаза.

Из дневника:

«О. сказала, что пришла по поручению своей начальницы с работы. Неужели мне неизвестно, что Д. – ее мальчик, живет за ее счет. Начальнице шестьдесят восемь, на сорок лет старше, чем Д., чиновница и бизнес-вумен. Фамилия известная, двойная. Еще О. сказала, что Д. связан со спецслужбами, что он „темный человек“, что у него полно долгов, потому что он берет и не отдает какие-то кредиты. Мне все равно. Он между жизнью и смертью».

В тот день Ксюша была в таком смятении, что рассказала все это маме. Они вместе всплакнули, мама уговаривала Ксюшу не думать о Д. так много, и Ксюша вроде бы соглашалась: в больнице она сама увидела, что у Д. другая жизнь, в которой Ксюше места нет, вокруг него другие люди, а близость между ней и Д. скорее воображаемая, чем реальная.

Ксюша произносила какие-то правильные слова и, казалось, абсолютно трезво оценивала происходящее.

Но на следующее утро раздался звонок. Д. хотел ее видеть, ее и только ее. Вечером Ксюша, на седьмом небе от счастья, записала в дневнике:

«Он прямо сказал мне, что послал О. и свою „черепаху Тортиллу“ (Е. Р.-Р.), и что ему все надоели, нужна только я. По-моему, предельно ясно. Мы провели весь день вместе, я выносила бутылочку. Таким образом, как говорит мама, „утка“ уже есть».

Что за утка, я узнал только потом. Оказывается, мама когда-то говорила Ксюше, что жена должна уметь «курицу и утку» – готовить мужу и, когда он состарится, выносить за ним судно. Расфасованный по частям Дибок, очевидно, не стеснялся просить Ксюшу выполнять функции санитарки. Он и здесь странно двоится: то ли ему нравилось быть беспомощным перед ней, то ли он, наоборот, ощущал это как возможность унижить ее. Ну а Ксюше этот вид заботы давал желанную пищу для воображения, означал, что она уже наполовину жена Д. У них еще ничего не было, но они уже как будто прожили вместе долгую счастливую жизнь, сразу перескочив к финалу («утке»). Так в тот день каждый из них играл в свою игру.

А что же долги, финансовая зависимость от Тортиллы?

Как это согласуется с образом мужественного бизнесмена? Просидев день у одра, Ксюша все это оправдывает. Оказывается, он занимается сексом с Е.Р.-Р. из милости.

«У властных женщин, – записывает Ксюша, – фрустрирована потребность в зависимости. Тортилла – властная начальница, и ей хочется с кем-то побыть ниже. Так объясняет это Д. Ей также нравится, что Д. берет у нее деньги, таким образом она чувствует себя нужной. Там сложные чувства и отношения, замешанные не на любви».

Об аварии Дибок рассказывает ей, что у него лопнуло колесо и что, кажется, это не случайно, а кто-то хотел, чтобы с ним это случилось.

(Дибок вообще очень любил рассказывать подобные истории, сам верил в них. Помню картинку более поздних времен: сутулый, лысый, с аккуратными противными ушками, похожими на пельмени (сросшиеся мочки), он сидит за столом, слегка поводит мощной шеей, как будто озирается, и, поигрывая на столе пальцами, сложенными в замок, рассказывает о том, как все желают ему зла, хотят извести, не понимают. Он рассказывал так жалостно, и это так контрастировало с его гипертрофированно мужественной внешностью: казалось, подозрительные тени сгущаются по углам, судьба заносит над ним свой нож, и что-то странно невинное, слабое проскальзывало в нем, и неприятное, и одновременно обез-

оруживающее. Но я отвлекся.) Спустя неделю Ксюша записывает в дневник знаменательные слова:

«Три дня не хотел меня видеть. Потом согласился, но был смурной. Я разгадала почему. Господи, все так просто. Он не хотел меня беспокоить. Стоило труда его „расколоть“. Дело в этих деньгах, он помог М-ову в журналистском расследовании, дал денег на то, чтобы проникнуть на К** комбинат, теперь ему нужно срочно отдать триста тысяч баксов. Иначе... Что делать?!?!»

Жена зовет смотреть, как расставили мебель в новых апартаментах.

Сейчас у нас только четыре гостя, не сезон. Мы можем принимать восемь, а хотим двенадцать. Для этого расширили Верхний дом, сделали еще два номера в стиле рустик, набили их предметами с местных рынков дорогого старья.

– Смотри, как хорошо твое зеркало сюда вписалось, – говорит жена.

Выражаясь языком нашего копирайтера, «мозаика, золоченая рама и шерстяные подушки ручной работы соседствуют с грубыми необработанными балками, которые дышат мощностью», «синее небо, зеленые оливы и Субазио в окне – один из лучших видов поместья».

Не хватает соответствующего описания хозяев (смотрю в зеркало). «Костлявый загорелый старикан с застывшими водянисто-голубыми глазами». «Мягкая, успокоившаяся, с усталыми веками и пухлыми руками, золотой крест на шее соседствует с крашеными белокурами прядями».

Филя, как всегда, вертится рядом. Вот сейчас он залез в сундук и машет мне оттуда веткой. Потом закрывается крышкой, блестит из щелки глазами и снова выскакивает, как чертик из коробки. И снова прячется.

– Папа, а мы пойдем гулять к водопаду?

– Сходите, сходите, – говорит жена. – А потом спускайтесь, и пообедаем. Филя, давай сюда телефон, оставшееся время используешь вечером.

Идем с Филькой к водопаду.

– А вот я а вот я а вот я, – трещит Филя, – мечтаю быть этим вот, как его называют, пицца-йоло, чтобы мне тоже махали рукой все эти, как их называют, и кричали: «Банжорна пиццайоло!» Я уже знаю, что для пиццы нужно пятьсот градусов!

– Отличный план, – искренне одобряю я. – Буду заказывать пиццу только у тебя. «Маргариту» мне, пожалуйста, на тонком тесте.

– Четыре минутки, и все готово! – Филя мчится к обочине, роется в палой листве, на дорогу летит пыль. – Прего сервитеви!

На большом бледно-серебристом листе маленькие красные круглые листья, желтые чахлые первоцветы и зеленые клочки молодой травы, которая только-только начала пробиваться.

– Вау, – я поражен. – Филька, твоя изобретательность делает тебе честь.

Делаю вид, что поедаю пиццу.

– Я ее поставил ровно на пятьсот градусов. А что такое пятьсот?

– Пятьсот – это когда пять раз по сто.

– Это как отсюда до водопада?

– Нет. Расстояние не меряют в градусах.

Филька не понимает.

– Горячо, – говорю. – Пятьсот – это очень горячо.

– Как в аду на сковородке?

– В аду? – я задумываюсь. – Надо подумать. Рассуждая логично, в аду – сера. Если взять точку кипения серы, то это, значит, четыреста сорок четыре градуса. Если выше, сера испарится. А для правильной пиццы нужно минимум четыреста восемьдесят пять. Получается, что в аду нет пиццы. Ну да, на то он и ад.

– Я передумал пиццу, я хочу священником, – говорит Филя. – Я люблю в церкви красивые полосочки, когда темно и зайдешь... О, водопад!

– Осторожно, – автоматически предупреждаю я.

Хотя Филя и так осторожный, даже трусоватый парень. К мостику он подходит на полусогнутых. Ему хочется подойти поближе, заглянуть вниз, но сейчас он смотрит не на водопад, он косится на деревянный указатель на боковой дорожке. Кривыми буквами на нем выведено: «Паола Карамаски». Дорога к нашей соседке, которую все почему-то считают ведьмой, уходит вверх и налево, в дубовую рощу.

Беру за руку.

– Не бойся, там перила. Чего ты там увидел?

– А вдруг она незаметно появится и спихнет меня вниз? – шепчет Филя.

– Зачем ей это делать? Ладно, держись за меня.

Филя вцепляется в мою руку. Мы подходим к перилам мостика. Нас обдает свежестью; маленькие радуги проявляются в воздухе, насыщенном водяной пылью. Мягкие волосенки Фили тоже начинают светиться от влаги. Водопад шумит под нами. Пахнет ранней весной.

Вдруг из оврага, прямо из-под наших ног, выныривает крупная собака, несколько раз гавкает и убегает наверх. Филька весь вздрагивает и визжит:

– Папа!

– Черт дурной, зачем ребенка пугаешь! – признать, я тоже вздрогнул. – Не бойся, Филька, это же Джеки, пес Витторио. Он глупый, но не злой. Не узнал?

Филька всхлипывает. Нервный парень.

Теперь Ксюша знала, что ей следует делать, как стать нужной любимому человеку. Тогда она впервые попросила у меня крупную сумму. Раньше такого за ней не водилось. Давал ей сам, был щедр и радовался, что для Ксюши понты ничего не значили.

– Мне нужно решить один вопрос, – так она сказала. – Помочь одному человеку. Скорее всего, это без отдачи.

Я выдал требуемую сумму, но ее, разумеется, не хватило. Ксюша заложила свои колечки, цепочку, мой подарок на ее восемнадцатилетие. Не хватило все равно. Тогда Ксюша снова пришла ко мне:

– Ладно, признаюсь. Меня отчисляют из вуза, пап. Нужно занести.

Про отчисление – это была правда. Ксюша столько занималась делами Д., что завалила сессию, вернее просто не явилась на экзамены. Она всегда хорошо училась, и я, рассудив, что она сможет наверстать и исправить ошибки, решил плюнуть на принципы и помочь ей. Не то чтобы я никогда не давал взятки, но заносить руководству вуза, чтоб оставили непутевую дочь... Неприятно. Мы обсудили все с женой, сошлись на том, что Ксюша впервые в жизни сильно влюблена и этот опыт ей нужен. Когда и безумствовать, как не в юности, etc. Я дал денег, и Ксюша отрапортовала, что ей разре-

шили пересдать и она учится дальше. Мы с женой выдохнули. Ксюша никогда нас не обманывала, и у нас не возникло ни малейших сомнений.

В дневнике между тем появилась запись:

«Выгрызла у папы еще двадцать штук, якобы на вуз. Теперь все, назад дороги нет. Договорилась с М., Т. и А., чтобы, если вдруг речь пойдет с родителями, не забывали, что говорить. Главное – мне удалось помочь Д., ну хоть чем-то. А вуз – никогда мне не нравилось там учиться, не моя дорога. О. [аспирантка, начальница которой содержала Дибока] уговаривала держаться подальше – никто из них его не понимает – человек на грани стоит, его нельзя мерить их мерками, вот все это, „живет за счет той, этой“, да какая разница-то, если человек-то настоящий, если он мучается, и если для малейшей надежды я могу дать, то как я могу не дать».

О том, что Ксюшу все-таки отчислили, я узнал уже после ее смерти. Нам она врал, что продолжает учиться.

Д. вышел из больницы в начале февраля и тут же, не увидевшись с Ксюшей, уехал отдыхать. Ксюша узнала от той же М. И., что уехал он с Тортиллой, и серьезно психанула. Настроение у нее резко меняется, она лежит носом к стене, но пытается все скрыть от нас.

«Больше никогда я не буду к нему относиться так, как раньше. Когда с ним было плохо, он рыдал мне в жилетку, говорил, какие суки все вокруг, как тьма сгущается и я одна ему нужна. Я для него вуз бросила, все цацки продала, чуть собой не начала торговать. Теперь у него все хорошо – и он меня просто посылает и едет греть кости своей старухе-процентщице. Небось она его не стала спасать. А что, собственно, за дела у него такие крутые? Он просто опричник. Эта парочка, Д. и Е. Р.-Р., – они и есть слияние власти и собственности в России, ебутся там на папины деньги. Больно и унижительно мне. И еще какое-то мерзкое чувство в душе, как будто не могу отплеваться. Кажется, Д. что-то сломал во мне, и я уже никогда не стану прежней».

«Все, я забыла Д., я буду думать о том, что делать дальше. Мне нужно начинать работать. Выходить к людям и думать больше о деле. Это была болезнь, я выздоровела».

Если бы так. Дибок возвращается – и снова хаос в ее душе.

«Не могу понять. Все так искренне, так радостно... Может, ему правда нужно было просто отдохнуть от всего. Это ведь его право».

«Тебе нужно избавляться от эгоцентризма, Ксения. Ты просто единственный ребенок, тебе кажется, что вокруг тебя все должно крутиться. Легче, легче относись к таким вещам!»

Она занимается самовоспитанием:

«Мои недостатки: 1) потребительское отношение к людям; 2) цинизм; 3) расчетливость; 4) неустойчивое настроение – то падаю, то взлетаю; 5) нарциссизм, самолюбование; 6) узость мышления; 7) собственничество».

В начале марта они впервые спят вместе. Это событие помечено в дневнике рисунком: салют с разноцветными звездочками. Подписано: «К+Д, наконец-то, наконец-то! Это была настоящая феерия. Хочу еще. Хочу всегда. Хочу до смерти».

Листаю ее дневник, в котором мне знаком уже каждый завиток, каждая неровность почерка. Странно знакомиться с человеком после его смерти. Еще страннее думать о том, что умерла она уже давно; в каком-то смысле «осталась тогдашней». Мы вот – живем дальше, мы меняемся, остаемся свеженькими и молодыми, а она как будто постарела, поблекла; она не знает ничего из того, что происходит сейчас; ей, встретиться мы, пришлось бы многое объяснять с нуля; она как бы оставлена далеко в моем прошлом – правдивы жестокие слова, что мертвый живому не товарищ.

Пересказывать то, что происходило с марта по август, неинтересно. Ксюша снова и снова сломя голову бросается помогать Д., он просит у нее денег еще несколько раз, намекает то на процедуру банкротства, из-за которой у него отнимут все, то на суицид, то на месть товарищей по службе. Он просит, а ей неоткуда взять, она перезанимает, берет какие-то «микрокрокодилы в Займишке» (отвратительная была контора, несказанно поразовался, когда их уничтожили). Она вся в долгах, дневник превращается временами в колонки цифр, нолей, стрелочек – кому, куда, откуда, сколько процентов, «Роме за Дашу Д. и Артема С.»; все это перемежается «жалко, жалко его» и «точно знаю, что он не вернет». Д., судя по ее дневнику, живет в атмосфере сгущающейся

паранойи: упоминания слежки, угроз – «твердил, что я не должна быть с ним, чтобы не подвергать себя опасности, но я сказала, что не боюсь». Почерк становится мелким, карабкающимся. В некоторые дни Ксюша просто приводит «сводки короткой строкой»: «бросает трубку», «виделись», «дала деньги», «опять динамо».

Единственное светлое пятно во всем этом – их встреча на Сенеже. Ее Ксюша описала достаточно подробно. Шло то самое жаркое и дымное лето, когда дышать было трудно в прямом смысле слова.

Вот что она пишет:

«Мы залезли в воду по горло. Над водой стелился легкий дымок. Потом сидели в беседке. Немного выпили. Вокруг обычные люди. И Д. перестал эти свои прогоны про „вокруг меня сжимается кольцо“ и прочее. Распростел, обмяк. Стало видно, какой он несчастный на самом деле. И как себя не жалеет. Он страшный человек вообще-то, Ксюша. У него нет тела. Вот ему зимой поставили эти железки, он хромает – и не замечает даже. Ему что он сам, что машина. Он – та романтика, которая раньше была: демон, демон настоящий. Он об этом говорил: я только тогда счастлив, когда вылетаю из тела. Я хотел бы быть в твоём теле, но и там мне не найти настоящего дома. Мне кажется, что в той беседке остался наш настоящий дом, но ее снесут, я не могу там с ним быть».

Осенью Ксюша пытается устроиться на работу, точнее просто наводит справки – где она могла бы поработать. Просит меня устроить ее к себе, чтобы она начала понемногу понимать дела.

«А чего я собственно хочу? А я ничего не хочу. Я уже не знаю, хочу ли чего-то. Я пресыщена, мне ничего не нужно. Вот презирала мажорок – и сама стала как они: внутренняя пустота и темнота. Как будто вынесла из себя все, чем раньше была наполнена. Было что? – не помню, а теперь ничего нет. Не выдержало оно испытания. Было нежным слабым остался один цинизм и»

Ночью на день ее рождения проскользнуло: не оправдала наших ожиданий, бешусь с жиру, у меня все есть, а я ничего не могу; я почувствовал что-то мрачное и жестокое, но не решился внятно определить тогда; а потом, сразу, началось такое, что я обо всем забыл, а когда вспомнил, оказалось уже поздно.

«Прислал мне стихи, сказал, что посвятил их мне. Любовь – это то, что многие не ловят. То, что многие никогда не поймут. Погуглила – конечно, это не его стихи, ходят в интернете. Он думал, что я не проверю? При том что ему известно, как я насчет поэзии. Жалкий человек. Полная пустота. Так, как я его люблю, никто и никогда не любил».

А потом – список слов в столбик, где к каждому существительному приписано красным карандашом спереди: «любимый».

[любимый] подлец

[любимый] жиголо

[любимый] аферист

[любимый] мошенник

[любимый] опричник

[любимый] бандит

[любимый] лжец

[любимый] убийца

Школы здесь не очень, но кто я такой, чтобы судить. В России Луку не смогли бы учить, а тут учат. Может, когда-то я и был недоволен, но сейчас смотрю на вещи по-другому. Филька школу очень любит и дружит с соседкой по парте. Кстати, ее зовут Джульетта, и мы иногда берем ее поиграть к себе.

Когда-то мы придавали школе огромное значение, особенно жена. Она очень серьезно подходила к школьным успехам Ксюши. Придаться там было не к чему, но жена умудрялась, несмотря на это, тревожиться. Любая мелочь вызывала ее переживания. Достаточно ли хороша учительница по русскому? Соответствует ли она высоким стандартам гимназии, о которых заявляет директор?

Год назад случился скандал: выяснилось, что физик в Ксюшиной школе, работавший там со дня основания, спал с ученицами. Одной из пострадавших была одноклассница Ксюши, я ее не помнил, а жена помнила хорошо. Ночью, лежа в постели, в темноте, жена спросила меня:

– Помнишь, как Ксюша писала рефераты?

– Угу, – сказал я, хотя не помнил и не знал, в те годы был занят другим.

– Каждый реферат – тетрадка двенадцать листов. Еще не разрешали печатать, интернета толком не было, все от руки,

по старинке. И вот она сидит и пишет... полночь, час ночи. Я шла спать, а у нее еще горела настольная лампа. Почему я относилась к ней так строго?

— Ты ее очень любила, — возразил я. — Никто не знает будущего.

— А надо было без будущего, — сказала жена. — Просто ребенку в полночь надо крепко спать, а не писать рефераты.

— Ты ни при чем. Она любила писать. Любила быть хорошей ученицей. Она писала их не для тебя.

— Не нужно было вообще отправлять ее в школу. Нужно было посадить на колени, расчесывать ее волосы, радоваться каждому ее слову. Нужно было беречь ее. Любить. Она была драгоценностью. Бриллиантом.

— Она была прежде всего человеком, — сказал я. — И у нее была своя жизнь. Короткая. Но была.

— Она была создана для счастья.

Я промолчал. Что ж ты, подумал я, невнимательно слушаешь своих новых святых друзей со стигматами. Они расскажут тебе, что такое истинная и совершенная радость. Но тут же мне стало стыдно и жалко жену.

И я вдруг вспомнил эту картину: вхожу, стараясь не шуметь, в темную прихожую; не включая света, вешаю пальто на гвоздик, бесшумно снимаю ботинки. Луч света из приоткрытой двери. Я вижу, как Ксюша сидит за столом и пишет от руки в тетради. Я подхожу ближе. В комнате темно, под лампой все озарено, целый мир на ее письменном столе, круглый

MP3-плеер, наушники, пенал, ключи и брелок со стразами, и белоснежная тетрадь, и легкие тени от волос, и легкая тень руки летает над страницей, легким невесомым почерком с сильным наклоном вправо пишутся слова; я вглядываюсь и пытаюсь их прочесть, но вдруг меня начинает бить дрожь, охватывает сильнейшее беспокойство, горло перехватывает от ужаса, я хочу и не могу прочесть написанное, читаю и не верю, темнота вокруг сгущается и давит на виски, а свет лампы становится ослепительным, жарким, невыносимым.

Моя история подходит к точке, в которой я перестаю быть только рассказчиком и становлюсь действующим лицом. Эту часть мне рассказывать сложнее всего, ведь именно я виноват во всем, что произошло впоследствии.

Но чтобы понятнее приступить к повествованию о дальнейшем, я должен объяснить, какой бизнес я вел и каким было мое положение на тот момент. Итак, жила-была в Германии фирма, которая придумала интересную бизнес-модель. Компания заключает контракт с разнообразными ресторанами, аттракционами, кинотеатрами и проч. о том, что приобретатель их купона на три дня получает 50 % скидки на все товары и услуги фирм-партнеров. В результате партнеры получают огромное количество новой жадной до впечатлений аудитории. Часть этих людей неминуемо придут потом за полную цену, да еще и расскажут соседям, в каком классном месте они побывали. Я купил и адаптировал эту бизнес-модель для... скажу скромно, для Москвы, но работала она не только в Москве, а во всех крупных городах. Недавно я проверял: даже сейчас, с приходом мобильного интернета, у бизнеса с трудом получается правильно выстроить подобную коммуникацию с партнерами, предоставляющими услуги, и с их покупателями. А я провернул это в эпоху интернета с модемов, главным образом офлайн. За три месяца мы

выросли втрое. Ни один мой бизнес до этого не приносил такой прибыли, и ни в одном я не чувствовал себя таким героем-первопроходцем, таким европейцем. При этом природная заячья осторожность не изменяла мне, я держал уши на макушке и, казалось, обезопасил себя от всех возможных неприятностей. У меня было три партнера: супружеская пара Э., которую я знал со студенческих времен, и Игорь В., которому я доверил финансы. Мы дружили.

Наш офис находился у одной из центральных станций метро; крышевали нас «шаболовские» РУБОПовцы (представители управления по борьбе с организованной преступностью). Но времена понемногу начинали меняться. В то время как малый и средний бизнес продолжали «пасти» руководители ОВД и УВД, крупняши, включая нефть и газ, легли под других силовиков – чекистов; представители соответствующей структуры, их родственники и доверенные лица вводились в советы директоров, и компании охотно принимали их в свои объятия как гарантов безопасности и, что немаловажно, как источников информации о конкурентах.

Мой бизнес все еще принадлежал к разряду «средних», но, по-видимому, офис у метро или наши возросшие обороты начали обращать на себя внимание серьезных людей. Этим и объясняется то, что произошло одним неприятным октябрьским утром 20** года. В течение лета я был непрерывно занят выстраиванием бизнес-процессов с крупными партнерами, обслуживая быстрый рост и тиражирование

коммуникаций, и в конце концов так вымотался, что после одной из поездок решил денек отлежаться. Вернувшись на следующее утро на рабочее место, я обнаружил, что в моем кабинете сменили замки. Секретаря не было на месте. Так вышло, что вместе со мной приехала и Ксюша – я привез ей ноутбук из поездки и хотел отдать; я послал ее к новому охраннику, который не знал мою дочь в лицо, она назвалась моим секретарем и попросила у него ключ.

Это был настоящий рейдерский захват, разборка. Как выяснилось, супруги Э. подделали решение общего собрания, договорились с Игорем В. и многими другими сотрудниками. Я забаррикадировался в кабинете и, никого не пуская, принялся названивать знакомым юристам и РУБОПовцам, но никто не брал трубку. В дверь ломились, и я понимал, что очень скоро меня физически спустят с лестницы, вышвырнут из моего собственного бизнеса.

В это же самое время растерянная Ксюша уже набирала номер Дибoka. Из дневника я знаю, что молодой человек частенько не брал трубку, когда она звонила ему. В то утро он, напротив, взял трубку почти мгновенно и, когда Ксюша сообщила ему о происходящем, на удивление быстро примчался к нам с целой армией чеченских «бойцов». Они мигом установили контроль над зданием и парковкой, вызвали собственных юристов («мои» так и не перезвонили). Тут же мы сформировали нечто вроде координационного штаба. Тогда-то я впервые увидел Дибoka вблизи; в примчавшей-

ся ко мне компании он вовсе не был главным – скорее, тусовался в тени своих приятелей Петра и Али. Мы переговаривали о том, что делать с Э. и Игорем В., какие аргументы предъявим суду и как будем бороться за мой бизнес. Тут же было решено, что отныне нас крышует другая спецслужба; мне предложили дать Дибoku официальную должность в компании, ибо «как бы чего не вышло» с этим Э., с ним уху остро.

– И, вы же понимаете, нас с Али нужно ввести в состав акционероv и в совет директоров, – сообщил мне Петр, глядя в глаза ласковым медленным взглядом. – Мы сильнее всех заинтересованы в том, чтобы ваш бизнес процветал. Чем быстрее это произойдет, тем меньше случайностей и неприятностей.

Я обещал подумать, а пока мне было сказано, что Дибок будет в целях безопасности всегда сопровождать меня в моей машине по всем делам.

На первый взгляд, обычное «перебивание крыши»; все же и в самый первый день я не ощутил облегчения от того, что мне помогли. Это совпадение – заговор Э. и чудесное спасение в один день – мне инстинктивно не нравилось. Я понимал, что поневоле пустил в свой бизнес силы, на которые никак не могу повлиять. Но как я мог это предотвратить? Или что мог сделать на этапе, когда Али и Петр номинально числились в совете директоров, а Д., которого «поставили» в моей фирме смотрящим, чтобы он исправно отчислял своим начальникам проценты от моей прибыли, водворился в моей машине?

Такое сочетание функций спецслужбы и коммерции несколько не удивительно; ведь и самый главный российский начальник когда-то делал деньги именно так. Можно сказать, что это срастание власти и собственности, силовиков и коммерции и есть главная артерия российской экономики, ее нервный ствол, ее стержень, вертикаль; так устроена Россия, а кто пробует устроить иначе, рано или поздно чувствует во рту неприятный привкус железа. Перебирая варианты, я и сейчас не вижу для себя тогдашнего никаких выходов.

Что же касается Ксюши, то она была на седьмом небе от счастья. Настал ее звездный час. Наконец-то ей, считавшей себя ни на что не годной, удалось сделать кое-что по-настоя-

щему весомое! Ее любовь спасла бизнес отца. Одновременно она устроила любимого ко мне на работу за отличные деньги. Неслыханное, баснословное деяние, почти подвиг.

Пользуясь случаем, она попросила меня дать ей возможность проявить себя в моем бизнесе, пусть в чем-то мелком, но полностью под ее ответственность. Я согласился и выделил Ксюше коммуникацию с рекламным агентством, которое делало для нас радиоролики и сайт. Теперь она могла не только приносить пользу, но и каждый день видеться с Д. Ей казалось, что теперь их сближение – дело времени.

И сначала все выглядело именно так. Не то чтобы Дибок резко стал благодарным или растроганным, но спустя две недели Ксюша впорхнула ко мне, сияя, и объявила, что Андрей предложил ей слетать на неделю в Индонезию.

– Там такой остров есть, – радостно говорила она, – небольшой, почти совсем дикий, на нем три буддийских храма. Андрей говорит, что он, если бы мог поверить, то стал бы буддистом.

– Буддист-шмуддист, – проворчал я. – Сидит с каменным лицом у меня на заднем сиденье, на нервы действует. На хрена мне этот пассажир, все никак понять не могу.

– Папа, блин! – с пол-оборота раскричалась Ксюша. – Мне стыдно за тебя! Ты думаешь, он твой телохранитель?! Я не хочу даже слышать! Противно! Эти люди за тебя жизнью рисковали!

Я промолчал.

– А ты умеешь поднять настроение, – язвительно прокричала Ксюша и выскочила из кабинета.

Улетели они во вторник, а в пятницу Дибок неожиданно появился на работе. Я аж очки протер.

– А Ксюшу где потерял? – спросил я.

– Дела призывали, – сказал Дибок, как всегда, учтиво и вяловато, глядя в сторону. – Ксюша еще там. Билет через два

дня.

- А это ничего, что ты ее оставил там одну?
- Не одну, там мои приятели, – сказал Дибок.
- Так вы летали не вдвоем?
- Нет, что вы, мы компанией.

Ксюша прилетела в срок, особых эмоций не выказывала, и я решил в их отношения не вмешиваться. Только после ее смерти в дневнике я прочитал об этой неделе, которая, в понимании Ксюши, должна была стать раем, а стала адом.

«Жара тут невероятная. Солнце такое, что могу находиться только в тени. А Д. с парнями ничего. Здесь все передвигаются на мотороллерах, и Д. ездит с такой скоростью, что на каждом повороте я пытаюсь вспомнить молитву, но в голове у меня, как у Кая, одна таблица умножения. Я так счастлива, что мы вместе, что мы наконец друг у друга есть!»

«Сейчас я вышла из океана. Солнце садится. Поразительные закаты здесь. Д. с парнями сидит на мысу».

На второй день Дибок, видимо, окончательно заскучал. Даже не так. Скучать-то он и не переставал. Это было его всегдашнее состояние. Он скучал всегда, скучал везде. Разница была только в степени. Иногда он скучал исступленно, как неуравновешенные подростки, которые от скуки колупают стены, сшибают ногами водосточные трубы и грабят случайных прохожих на улице. В таком состоянии Дибок изводил Ксюшу издевательскими замечаниями или придирился ко всему на свете. Кажется, он действительно считал, что весь мир виноват в его бедах, а сам он – невинная жертва обстоятельств. Иногда его скука больше напоминала состояние сна, но такого, в который впадают не люди, а приборы, например ноутбуки или принтеры. Он как будто полувывклю-

чался, слегка отсутствовал, и только глаза кое-как, вяло, из-под век глядели на этот презренный, никому не нужный мир.

«Зачем он взял меня с собой, непонятно. Он все время с парнями, на меня обращает внимание меньше, чем на рюкзак. Они непрерывно квасят. Приехали на мыс, где храм этот, так Д. даже не глянул. Они заказали гору самой дорогой выпивки, жратвы, решили удивить местных. Купаться тоже не ходят, только бухают».

«Может, я какая-то не такая? Может, меня за что-то решили наказать? Он даже трогать меня избегает, даже за руку брать. Ему кажется, что со мной не о чем разговаривать. Но я не понимаю, зачем он тогда вообще меня позвал с собой».

Важная для меня запись:

«Странные намеки и подъёбки А. и К. Когда они начинают, Д. их останавливает, но как-то...

Он просит их замолчать как будто не потому, что боится меня обидеть, а скорее так, будто не хочет, чтобы я что-то узнала, что от меня скрывают. Или я начала заражаться его вечной подозрительностью? Не хочу думать об этом, не хочу разгадывать гадкие загадки».

И еще более важная:

«Уплыла за буйки. Плыву к мысу, вдруг за мной катер. Машут, кричат. Я остановилась, поплыла к ним. Мне объяснили, что за мыс нельзя, там сильное течение – может утащить в океан с концами. Я даже не испугалась. Подумала – утонула бы, ну и хрен с ним. Со всеми этими приключениями меня не было полдня, высадили на берегу в шести километрах от виллы. Д. даже не заметил, кажется. Пока меня не было, не звонил, когда пришла, ничего не сказал, не поинтересовался, где была. Но ему не нужна не только я, ему вообще здесь ничего не нужно. А ведь здесь потрясающе красиво. Но ему все равно, где быть. Он всегда в одном и том же месте – в себе, в своих жестоких и мрачных мыслях. А я? Что делать мне? Полное разочарование и слезы».

Только потом, когда было уже поздно, я понял: это было не просто перебивание крыши. Возможно, оно было таким в первые дни, но не дольше недели. Начальнички очень быстро поняли, что мой бизнес не из тех, которые можно доить, в их понимании, эффективно. Я был не просто человеком, который «варит бабло», я пытался что-то развивать, делать новое. Я не был ориентирован на быстрый рост прибыли, я создал новый рынок и работал на развитие спроса, а не на то, чтобы получить мгновенную отдачу. Им это не подошло. Моя модель была непонятна, непривычна для них. И тогда – почти сразу – они сменили парадигму отношений со мной. Они решили просто высосать лоха и выбросить пустую оболочку.

Но я вполне осознал это не сразу. В ту осень я еще сомневался. Сомневался – и платил. Я истекал деньгами. У меня и так не бывало лишних трат, но тут пришлось заморозить строительство дачи, а затем начал страдать и бизнес. Петр и Али меня явно избегали, я пытался задавать им вопросы, но они отвечали односложно, в том смысле, что все нормально, но ситуация требует некоторых денежных вливаний... и еще... и еще... что Э., сволочь такая, выстроил пуленепробиваемую стратегию защиты... и что они делают что могут... Постепенно они вели себя со мной все более высокомерно

и агрессивно.

А главное, я перестал нормально работать. У меня началась бессонница, я вскакивал в четыре, выходил на балкон, курил, судорожно искал решения и не находил их. Связался со знакомым инвестором, убеждал его спасти меня, выкупить у негодяев. Я просил не унижаясь, но горячо и страстно, приводя веские аргументы: у меня есть перспективная идея, знание рынка, я шел в рост, меня сбили на взлете, внутри бизнеса нет никаких факторов, которые бы помешали мне стать лидером и вырасти на порядок, а то и на два. Инвестор ответил, что подумает, но тон у него был такой ласковый, такой виноватый, что я мгновенно понял: он в курсе всего и спасти меня не полезет. Я не сердился на него. У каждого свои интересы.

Ну а Дибок? А он был как будто и вовсе ни при чем. Он просто молчаливо присутствовал, маячил у меня в зеркале заднего вида: сутулая фигура с мощными плечами, лысая круглая голова, белесовато-голубые мрачные глазки.

Однажды (лил сильный холодный дождь, ветер сдирал с деревьев остатки листвы) мы, как всегда вместе, ехали на встречу. Я предложил Д. добежать до машины под зонтиком. Дибок мотнул головой. За двадцать метров он успел вымокнуть до трусов. С него лило.

– Машину сушить придется, – сказал я.

– Простите, Артемий Маркович, – сказал Дибок после паузы.

Я обернулся.

– Скажи, – спросил я, – вот вы топите мой бизнес, хотите поделить деньги. А ничего, что я мог бы тут целую империю выстроить? Это перспективнейшее направление. Надо просто подождать. И ведь я даже не протестую, что вы присосались ко мне как пиявки. О'кей, пожалуйста, правила игры, я буду платить. Сам не безгрешен, наверное. Но неужели эта игра выгоднее, чем моя? Ведь в будущем вы получите больше.

– О чем вы говорите, Артемий Маркович, – вяло ответил Дибок. – Мы понимаем...

– Да и я ведь понимаю, – сказал я в бешенстве.

Дибок удивился. Я никогда раньше не говорил с ним так. Он всегда бывал учтив, а я ценил и уважал умение себя вести, редкое в его среде.

– Понима-ете? – голубые глазки глянули на меня. – А если понимаете, то я тогда немножко, извините уж меня, что я скажу... Я иногда на вас смотрю и удивляюсь... Вы такой умный человек... и при этом как будто не видите, что вокруг вас творится... Вы оглянитесь немножко, Артемий Маркович. Посмотрите на людей, которые обычные простые люди... Какое там уж будущее, Артемий Маркович. Какое там будущее. Вы же сами прекрасно знаете, что нет никакого будущего. И у вас нет. И у нас нет, – глазки потухли, Дибок прикрыл мокрые веки. По его лицу текла вода. А может, пот. – Вы простите, Артемий Маркович. Ужасно голова бо-

лит сегодня. После аварии постоянно болит, надо обследоваться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.